

Журнал Саратовской государственной
консерватории имени Л.В. Собинова

Камертон

Специальный выпуск

*Памяти
Татьяны Федоровны
Малышевой*

№119

МАЙ
2020

Журнал издается с 2007 года

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

- 3 ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ФЕДОРОВНЫ
МАЛЫШЕВОЙ
- 4 ИНТЕРВЬЮ
«...Это счастье — заниматься с молодыми
юношами и дев ушками...»
- 10 ВОСПОМИНАНИЯ
- 22 ПРИНОШЕНИЯ

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор —
кандидат искусствоведения Е. С. Андреева

доктор искусствоведения И. В. Полозова,
кандидат искусствоведения А. Г. Хачаянц,
кандидат искусствоведения
Н. В. Королевская, кандидат
искусствоведения С. П. Шлыкова.

Фото — из архивов кафедры истории
музыки, кафедры теории музыки и
композиции, официального сайта МГИК

Компьютерная верстка — К. Маркова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

410012 Саратов
пр-т имени С. М. Кирова, 1.
E-mail: kamerton.sgk@yandex.ru

Подписано в печать 29.05.2020.
Бумага Херох Тираж 50 экз.

При перепечатке материалов ссылки
на «Камертон» обязательны

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ФЕДОРОВНЫ МАЛЫШЕВОЙ

*По материалам статьи И.В. Полозовой, А.Г. Хачаянц,
«Вестник Саратовской консерватории», 2020/3*

23 марта 2020 года не стало Татьяны Федоровны Малышевой (1947-2020).

Татьяна Федоровна была профессионалом высочайшего уровня – Заслуженный деятель искусств России, кандидат искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, член союза композиторов России.

Окончив Ставропольское музыкальное училище по классу фортепиано Татьяна Федоровна Малышева в 1966 году поступила в Горьковскую (Нижегородскую) государственную консерваторию имени М. И. Глинки на музыковедческое отделение, где училась по специальности у Тамары Николаевны Левой – ныне Заслуженного деятеля искусств России, доктора искусствоведения, профессора, заведующей кафедрой истории музыки, авторитетного исследователя.

В 1972 году после окончания вуза Татьяна Федоровна начала работать в Саратовской консерватории на кафедре истории музыки, с которой будет связана вся последующая ее педагогическая деятельность. Параллельно Татьяна Федоровна занималась научными исследованиями. В 1974 году ее статья «Гротеск в “Истории солдата” И.Ф. Стравинского» была отмечена на Всесоюзном конкурсе молодых музыковедов. В 1976 году Т.Ф. Малышева поступила в аспирантуру Московской консерватории в класс одного из ведущих искусствоведов страны, Заслуженного деятеля искусств РСФСР, доктора искусствоведения, профессора Бориса Михайловича Ярустовского, а после его кончины продолжила свое обучение под руководством доктора искусствоведения, профессора Елены Борисовны Долинской. В 1988 году в Киевской консерватории Татьяна Федоровна успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения «Гротеск в отечественном музыкальном театре первой трети XX века».

Научная деятельность Татьяны Федоровны связана с актуальными для саратовской музыкальной культуры явлениями: с именем Альфреда Гарривича Шнитке, с творчеством выдающихся саратовских композиторов Арнольда Бренинга, Михаила Симанского, саратовской композиторской школой в целом и историей консерватории. Особое место в ее научных изысканиях займет архивное наследие Болеслава Леопольдовича Яворского, как известно,

в годы войны эвакуированного в Саратов и здесь же завершившего свой земной путь.

С 1987 года более тридцати лет Татьяна Федоровна возглавляла кафедру истории музыки Саратовской консерватории, кроме того, длительное время была ученым секретарем Ученого совета и всегда имела непререкаемый авторитет и безупречную репутацию. Возглавляя кафедру, Т.Ф. Малышева проявила себя как мудрый и внимательный к своим коллегам человек. Именно благодаря ее личным качествам кафедра истории музыки представляла собой сплоченный коллектив единомышленников, где каждый получал свободу научного и творческого развития, возможность раскрыть свой педагогический потенциал.

Татьяна Федоровна пользовалась уважением и у студентов, и у всего коллектива консерватории. В ее облике сочетались доброта и сердечность, мудрость и уравновешенность. Ее лекции были захватывающе интересны, исключительны по своей новизне и оригинальности, речь вдохновенной. Она стала наставником для многих сотен молодых музыкантов. Под ее научным руководством защитили дипломы более 100 молодых музыковедов, лучшие из которых впоследствии стали преподавать на кафедре истории музыки: кандидаты искусствоведения, доценты С. В. Волошко, Н. В. Королевская, Н. С. Серова, кандидаты социологических наук, профессор О. Б. Краснова и доцент И. В. Сергеева.

Светлая память...

ИНТЕРВЬЮ С Т. Ф. МАЛЫШЕВОЙ

«...Это счастье — заниматься с молодыми юношами и девушками...»

Это интервью, приуроченное ко дню рождения заслуженного деятеля искусств РФ, кандидата искусствоведения, профессора Татьяны Федоровны Малышевой, было опубликовано в «Камертоне» в 2008 году. Она отдала Саратовской консерватории 47 лет (1972 – 2019). 23 марта 2020 Татьяны Федоровны не стало. В память о ней повторяем эту публикацию.

«Н а одном из недавних прощальных капустников на кафедре истории музыки многие педагоги, работающие здесь, смогли увидеть себя со стороны: «портреты», которые экспонировали выпускники, удивительно точно копировали черты любимых наставников. Но среди всех выделялся образ «нашей мамы», как тогда любовно назвал ее уходящий курс, – заведующей кафедрой Татьяны Федоровны Малышевой. И это было сказано очень точно, потому что родственное чувство по отношению к ней возникает буквально с первой встречи на Дне открытых дверей, где Татьяна Федоровна сама знакомит будущих абитуриентов с консерваторией и кафедрой истории музыки и делает это так задушевно и с таким располагающим юмором, что хочется учиться именно здесь. Уже с первых вступительных экзаменов по истории музыки, в ат-

мосфере доброжелательности и чуткости, которые исходят от Татьяны Федоровны как руководителя кафедры, все экзаменационные страхи куда-то улечиваются, и ты чувствуешь себя в 53-м, как дома. Такая теплая и по-домашнему неформальная обстановка сохраняется здесь на все время учебы. Ну, где еще бывает, чтобы во время лекции педагог вдруг взял да и предложил коченеющим от холода студентам горячего чая? Только у Татьяны Федоровны. Она – как настоящая квочка со своими подопечными: всегда в курсе проблем каждого, всегда ее улыбка обращена ко всем без исключения, а студентов она называет не просто по именам, но обязательно с ласкательным суффиксом – «Светочка», «Ванечка»... А на лекциях профессор Т. Ф. Малышева умеет так интересно рассказать о музыке, что даже самое известное открывается вдруг с новой неожиданной стороны, а неизвестное так захватывает, что без этих новых открытий (например, музыки Брукнера) мир кажется уже неполным.

В преддверии своего дня рождения Татьяна Федоровна согласилась стать одним из героев нашего издания и ответить на несколько вопросов.

Расскажите, пожалуйста, где Вы родились и кем были Ваши родители.

Т.Ф.: Родилась я в Каменеце-Подольском (это небольшой город в Хмельницкой области на Украине), в очень интересном месте: в доме, где была ставка Петлюры в свое время. Там жили мои родители. Отец у меня был военным, а мама – историком. И поскольку отец служил, мы часто переезжали из гарнизона в гарнизон. По этой причине я совсем не помню Украину.

Когда возник Ваш первый интерес к музыке, и с чего начались Ваши первые уроки?

Т.Ф.: Интерес к музыке у меня возник, наверное, так же, как и у многих других. Когда мне было пять лет, мои мудрые родители повели меня в театр оперы и балета (тогда мы жили в

Казани). Там я посмотрела балеты Чайковского. Это, наверное, самая лучшая детская музыкальная классика, способная зажечь интерес к музыке на всю жизнь.

А вот почему пошла учиться музыке – не помню. Но занималась с большим удовольствием. В музыкальной школе у меня была очень хорошая учительница. Она была уже старенькая, звали ее Антонина Васильевна. И были хорошие дети. Никто не дрался, как в общеобразовательной школе. И поэтому мне там понравилось.

Где Вы еще учились и кого из педагогов Вы можете особенно выделить?

Т.Ф.: Когда отца перевели в Ставрополь, музыкальные занятия стали более стабильными. Это были уже не кружки, а центральная школа. Там были очень хорошие педагоги. Среди них – Сара Иосифовна Цейтлин, у которой я училась по фортепиано, Екатерина Марковна Маркович. Но главное, я попала в сообщество страстных любителей музыки, знавших все оперы наизусть. Теперь это известные музыковеды – Алла Николаевна Чередниченко и работающая в нашей консерватории Татьяна Ивановна Егорова. С ними в одной компании еще был Саша Лукьяненко, вместе с которым Алла и Таня распевали оперы целиком. И все остальные на них как-то очень ориентировались. Среда была вообще очень хорошая. И в кинотеатрах Ставрополя (который тогда был провинци-

альном городом, красивым и теплым), уже спустя двадцать пять лет после войны продолжали крутить трофейные фильмы, среди которых были редчайшие кинооперы. Мы видели такие фильмы, которые никто нигде не видел, – «Дон Жуана» Моцарта, фильм о Моцарте «Дай руку, жизнь моя». Все дошло до того, что на протяжении двух лет каждые выходные мы с моими двумя друзьями, Олей и Люсей, разучивали «Дон Жуана»: Оля пела за Лепорелло, Люся – за Дон Жуана, а я пела за всех женщин и дону Оттавио в придачу. Это были счастливые воскресенья. А с Т. И. Егоровой мы разучивали «Похвалу вечности» (V. Хвала вечности Иисуса – *прим. ред.*) из квартета Мессиана «На конец времени» в четырехручном переложении и очень мучились с шестнадцатыми.

В училище я училась на фортепианном отделении у Натальи Дмитриевны Маркович (дочери Екатерины Марковны), которая только приехала в Ставрополь после окончания Одесской консерватории. Благодаря ей, я стала читать Швейцера, эстетические трактаты.

Все мои учителя до сих пор живы. Наталья Дмитриевна приезжала года два назад, жила у меня. И с другими педагогами мы до сих пор дружим, общаемся.

Хотя я училась на фортепиано, тем не менее, уже в училище меня выделяли по теоретическим дисциплинам. Наверное, потому, что у меня был абсолютный слух. Государственный экзамен у нас принимал Н. А. Гольденберг, так как Ставропольское училище тогда было под патронажем Саратовской консерватории. Но в год окончания я не смогла поступать в консерваторию, так как перед самым выпускным заболела и на выпускной вечер пошла с высоченной температурой. В результате я заработала воспаление легких и все лето провела в больнице. Тогда я считала, что этот год – пропущенный год жизни, а сейчас понимаю, что это было обретенное время, потому что я могла читать книги, а не только готовиться к урокам (после окончания меня оставили работать в училище и дали вести музыкальную литературу у теоретиков, притом что я окончила училище как пианистка; еще я вела общее фортепиано и концертмейстерский класс).

В это время в Ставрополь приехал Валерий Пеньков, с которым я занималась по гармонии. Сейчас он московский композитор. Его опера «Алые паруса» поставлена во многих театрах. Именно он направил меня к Владимиру Михайловичу Цендровскому в Нижний Новгород, и он сказал мне поступать только в Нижегородскую консерваторию на музыковедение. И вот так я оказалась в Нижнем Новгороде.

Это была очень прогрессивная консерватория, несмотря на то застойное время. Там работала (и сейчас работает) заведующая кафедрой

Слева направо: Н. С. Аршинова, Л. А. Смирнова, Т. Ф. Малышева, О. Б. Краснова. 1982г.

истории музыки Тамара Николаевна Левая, удивительно красивая, изящная женщина. Я была ее ученицей по специальности. Она читала необыкновенные лекции, очень трепетные. Например, мощным пластом, вместо советской массовой песни, шла бардовская песня. В Нижнем тогда и сейчас поддерживались очень тесные связи с яркими музыковедами. В числе рецензентов моих первых курсовых работ был Даниил Владимирович Житомирский. Хотя он жил в Москве, тем не менее, мою курсовую работу за третий курс рецензировал он. А дипломную работу рецензировал Анатолий Моисеевич Цукер из Ростова. Обстановка была очень творческая, яркая.

Почему Вы приехали в Саратов? Расскажите о первых годах работы в Саратовской консерватории.

Т.Ф.: Дело в том, что с Саратовом связи были всегда. Во-первых, здесь учились А. Чередниченко и Т. Егорова. Кроме того, работая концертмейстером в Ставропольском музыкальном училище, я аккомпанировала А. В. Тарасовой и многим духовикам, которые потом все оказались в Саратове. Они все время поддерживали со мной связь, писали мне, мы встречались летом. И они настойчиво санивали меня в Саратов. В результате я оказалась в Саратовской консерва-

тории, когда ее ректором был Борис Андреевич Сосновцев. Я считаю, что это была правильная установка приглашать музыкантов из других городов страны. Он пригласил М. Н. Симанского из Нижнего Новгорода, О. А. Моралева из Свердловска.

Первое ощущение от консерватории у меня было шоковое. Потому что первой, кого я увидела, была заведующая кафедрой истории музыки (правда, очень скоро она уже перестала быть заведующей), которая поймала меня в фойе Большого зала и сказала: «Вы смотрите, то, что себе позволяет Лидия Львовна Христиансен, несмотря на всю мою критику, вы этого делать не сможете. Чтобы на современной музыке вы проходили только советскую музыку! И никаких зарубежных композиторов...» В общем, я все это слушаю и думаю: «Куда я попала?!...». Но все это время по фойе мимо меня ходила какая-то молодая женщина, подмигивая и улыбаясь. Потом выяснилось, что это новая заведующая кафедрой истории музыки Елена Дмитриевна Ершова. Она как-то сразу стала своим человеком. Она правильно направляла меня в работе. В первый год у меня была большая нагрузка (большое количество лекций), и я, конечно, ночами не спала, готовилась, пока Елена Дмитриевна не сказала мне совершенно верно, что к лекции по Вагнеру всего не прочтешь. Поэтому студентам надо просто, очень четко, организованно объяс-

Преподавательский состав аспирантуры СГК, 2012 год

нить, какого числа и за что они отчитываются, по какому материалу, с какой по какую страницу, и какую музыку они должны знать. Им будет полезнее, если они сами будут все это читать. Благодаря такому методическому подходу, я вышла из этой трудной ситуации.

Еще на кафедре в то время работали такие педагоги, которые сейчас уже не работают. Например, Марианна Федоровна Гейлиг – самый авторитетный историк музыки; Евгения Петровна Штейнберг, Наталья Флорентьевна Таубе. Стиль преподавания у них был другой. В Нижнем Новгороде у музыковедов научный процесс шел на проблемном уровне. А в Саратове был принят последовательный разбор произведений. Я отдавала должное авторитету этих людей. Марианна Федоровна – замечательный музыкант. Я помню, мне прислали из Казани партитуру симфонии Брукнера, которой никогда до этого не было в Саратове. И когда в антракте какого-то концерта я развернула посмотреть эти ноты на середине партитуры, Марианна Федоровна подходит ко мне сзади, смотрит и говорит: «Это Брукнер?» Это говорит о том, что она была очень осведомлена.

Расскажите о Ваших музыкальных пристрастиях: кто Ваш любимый композитор, какие музыкальные жанры и стили Вы предпочитаете.

Т.Ф.: Это, конечно, трудный вопрос, потому что когда звучит гениальная музыка, когда она трогает, то трудно выделить что-то конкретно. Есть, конечно, явления, которые для меня очень дороги. Это вступление хора мальчиков в финале «Симфонии псалмов» Стравинского, первая часть «Неоконченной» симфонии Шуберта, медленная часть Седьмой симфонии и первая часть Восьмой симфонии Брукнера. Можно долго перечислять...

Татьяна Федоровна, поделитесь своим профессиональным опытом. Каким образом начинающий педагог может заинтересовать музыкой ребенка?

Т.Ф.: Я работала с детьми, и мне кажется, что лучше всего начать с их включения в музыку. Можно на уроке им дать детский ксилофон и показать на нем тему лебедей из «Лебединого озера». Вместо ксилофона можно использовать барабан или дудочку. Давать что-то абстрактно детям нельзя, и говорить что-нибудь в воздух – бессмысленно. И, конечно, главное – находить с ними живой контакт. И если он найден, то глазки у детей горят, и все получается.

На основе чего Вы выбираете темы курсовых работ для своих студентов?

Т.Ф.: Методика у меня такая: сначала я прошу студентов, чтобы они написали хотя бы десять тем, чем хотели бы заниматься. Но, во-первых, десять тем мне никто не приносит. А во-вторых, на основании разговора со студентами как-то вытягиваешь, что им близко. Сколько было случаев, когда им что-нибудь навязываешь, а они в результате все равно выбирали ту тему, которая близка им. Вот оно само собой и получается. Другое дело, что в музыковедении уже много сделано, а студенты порой хотят заниматься тем, в чем уже трудно найти новые аспекты. И новое сейчас ищут, скорее не в материале, а именно в подходах с точки зрения аппарата других наук. Хотя это неоспорно. Когда я пришла на кафедру Саратовской консерватории, подход от музыки был довлеющим. Сейчас превалирует подход от концепции к музыке. Здесь, конечно, открывается много возможностей в обучении студентов, но контакт с музыкой ослабевает.

Какую литературу Вы предпочитаете? Кто Ваш любимый писатель (поэт)?

Т.Ф.: Я очень люблю Томаса Манна. Также люблю читать научную литературу, справочники, словари, энциклопедии, научные сборники. Детективы не читаю, потому что мне от них скучно. Все-таки предпочитаю Т. Манна, в частности, роман «Иосиф и его братья»; первый

том «Волшебной горы», второй том мне просто страшно читать (в первом речь идет о болезни, это еще можно пережить, а во втором – безволие, это сложнее).

Какие концерты – современной или классической музыки – Вы посещаете охотнее?

Т.Ф.: Слово «современный» как-то не совсем понятно.

Концерты из музыки композиторов XX века: Шенберга, Веберна, Свиридова, Шнитке, Щедрина...

Т.Ф.: Щедрина посещаю. Выбор концерта, конечно, зависит от многого. Прежде всего, кто исполняет. Сейчас очень многое сводится к аудио- и видеозаписям, в чем тоже есть свои плюсы и минусы. Все же ведущим для меня является живое исполнение. Я знаю, что если в концерте будут играть А. Скрипай или А. Рыкель, это будет настоящее искусство.

Татьяна Федоровна, если позволите, можно поговорить о Вас вне профессии. У Вас есть непрофессиональные увлечения?

Т.Ф.: Я очень люблю природу. Как минимум раз в неделю я обязательно бываю в лесу. Я лю-

С бывшими учениками: Никифоровым И. В. (выпускник Ломако В. П.) и Никифоровой Н. Н. (класс Ершовой Е. Д.)

блю лес, потому что моя мама очень любила собирать грибы, и мы все время ходили в лес. Я помню, как учась в аспирантуре в Москве, я четыре месяца никуда не выезжала и уставала от постоянного асфальта. Лес – это, наверно, самое большое увлечение.

Да и какие у нас могут быть особенные хобби, когда столько работы! Ведь работа педагога бесконечна. Люди, которые работают на производстве, после рабочего дня свободны. А у нас такого не бывает, потому что нужно читать какие-нибудь диссертации, которые надо рецензировать, оппонировать; дипломные работы, которые надо проверять; лекции, к которым надо готовиться. Это бесконечный процесс. У нас даже летом консерватория полна педагогов...

Есть ли у Вас нереализованные творческие планы, замыслы?

Т.Ф.: Не знаю, творческие они или нет. Но нереализованного много, потому что передо мной все время стоит ситуация выбора. Я вообще всегда мечтала быть библиотекарем, ра-

ботать с каталогами. Я люблю все систематизировать, раскладывать. До себя и творческих замыслов дело не доходит, потому что мы круто завязаны на учебном процессе. Совмещать, наверно, невозможно. При таком количестве занятий – это сложно. Вообще, это счастье – заниматься музыкой с молодыми девушками и юношами, которых вводишь в мир музыки. Есть люди, которые работают только с бумажками или с железками. А здесь все время с людьми, да еще и какими людьми! У студентов только одно плохое качество: после окончания консерватории они уходят. Им кажется, что, когда они выпустятся, они будут приходить, будут общаться. А потом их тоже закручивает жизнь. Но с другой стороны, то, что постоянно приходят новые студенты, идет процесс постоянного обновления, это хорошо: контакт с молодежью постоянно поддерживается, и резкой пропасти с молодежью я не ощущаю. Это, наверно, главное.

**Беседовала
Ольга Подшивалова, 2008 г.**

ВОСПОМИНАНИЯ

Тамара Николаевна Левая,
доктор искусствоведения,
профессор кафедры истории музыки
Нижегородской государственной
консерватории имени М.И. Глинки

О Татьяне Федоровне Малышевой

Татьяну Федоровну Малышеву я помню еще студенткой, когда она училась в Горьковской консерватории и занималась в моем специальном классе. Для молодого, начинающего педагога, каким я тогда являлась, это был настоящий подарок судьбы – так органично сочетались в моей новой студентке музыкальный талант и талант человеческий. Все это располагало не только к учебе, но и к дружбе с ней. У меня долго хранились «вещественные доказательства» этой дружбы – связанные ею крохотные вещицы для моей новорожденной дочери, а позже – и «взрослая» красивая шаль с кистями (в годы хронического советского дефицита вязаньем увлекались многие, но именно «танины вещи» как-то по-особому грели, и в прямом, и в переносном смысле слова).

Время учебы Татьяны Федоровны в Горьковской консерватории (а это был рубеж 1960-70-х годов) запомнилось мне как очень насыщенное и творчески активное. Хотя «оттепель» и осталась позади, ее флюиды еще витали в воздухе, стимулируя наше желание расширять свои интеллектуальные горизонты, поддерживать интерес к новой музыке и вообще ко всему новому. Этому способствовало и общение с нашими старшими коллегами-учителями (Даниилом Владимировичем Житомирским, Олегом Владимировичем Соколовым, Владимиром Михайловичем Цендровским), и работа нашего Научного студенческого общества, и межвузовские студенческие конференции, и поездки на фестиваль «Варшавская осень», которые воспринимались нами как окно в большой музыкальный мир. Как напишет позже Татьяна Федоровна в своих воспоминаниях об О.В. Соколове, годы, проведенные в Alma Mater, стали для нее «лучшими годами жизни». Возможно, так оно и было...

Заниматься с Татьяной Федоровной было очень интересно. Меня как ее руководителя воодушевляло сочетание в ней серьезного научного потенциала и безошибочной интуиции; все это дополнялось живым чувством юмора и восприимчивостью к скрытым, не всегда читаемым слоям музыкальной ткани. Неслучайно ее

увлекла проблема гротеска как художественного метода: так сначала появилась ее дипломная работа «Гротеск в „Истории солдата“ И. Стравинского», а позже и кандидатская диссертация, в поле зрения которой попал уже не только Стравинский, но и другие мастера XX века. Конечно, со временем круг профессиональных интересов Татьяны Федоровны расширялся, но вкус к театру, к современному творчеству, к острой музыкальной характеристичности не изменял ей и позже. Вспоминаю, например, ее выступление на одной из наших конференций, посвященное «Мертвым душам» Р. Щедрина – это была, по сути, первая научная презентация щедринской оперы, вошедшей позже в анналы мировой классики XX столетия. Не менее яркое впечатление оставил и ее доклад о телеверсии «Маленьких трагедий» А. Пушкина с музыкой А. Шнитке...

В 1972 году Татьяна Федоровна блестяще закончила консерваторский курс и была рекомендована в аспирантуру. Ни у кого не вызвали сомнений перспективы ее работы на кафедре истории музыки, в связи с чем обсуждались уже чисто практические вопросы, связанные с ее педагогической нагрузкой. Однако позже

произошло нечто необъяснимое. Когда я и мои коллеги вернулись после летнего отпуска, консерваторское начальство уведомило нас, что оставить Татьяну Федоровну в Горьком нет никакой возможности и что она направляется на работу в Саратовскую консерваторию. Это было очень неожиданно и очень несправедливо. Наши протесты и хождения в «высокие кабинеты» ничего не дали: бездушная номенклатурная машина оказалась сильнее наших желаний и предпочтений. Лишь много позже пришло чувство относительного примирения: да, мы лишились превосходного специалиста и человека, но все это приобрела Саратовская консерватория, и было бы неоправданным эгоизмом без конца сетовать на случившийся «зигзаг судьбы».

Как бы то ни было, не Горький, а Саратов стал свидетелем большой «взрослой» жизни Татьяны Федоровны, и о всех перипетиях ее жизненной судьбы мы узнавали теперь заочно, на расстоянии. Читали ее публикации, слышали об успехах ее учеников, пользовались ее методическими советами, обменивались разного рода отзывами. Порою и встречались (к сожалению, не часто!) – будь то конференции, столичные ФПК, юбилейные встречи или олимпиады (Татьяна Федоровна, будучи абсолютно безотказным человеком, продолжала работать в жюри наших олимпиад, несмотря на позднейшие проблемы со здоровьем)...

Саратову и Саратовской консерватории, безусловно, очень повезло с человеком такого масштаба и такой душевной щедрости. Читая строки посвященного ей некролога, внутренне соглаша-

ешься со всем, что там написано и что выражено словами исключительно превосходных степеней. «...Профессионал высочайшего уровня», «глубочайший знаток европейской оперы и балета». «Захватывающе интересные, исключительные по своей новизне и оригинальности лекции». «Непререкаемый авторитет и безупречная репутация». «Доброта и сердечность, мудрость и уравновешенность»... Впечатляет и «послужной список» Татьяны Федоровны: кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, профессор и многолетний заведующий кафедрой истории музыки СГК... Удивляет, правда, то, что, при всей неоспоримости своих научных заслуг, Татьяна Федоровна так и не удостоилась степени доктора искусствоведения (что сильно ограничивало наши желания видеть ее в составе диссертационных советов и слышать ее на защитах в качестве оппонента). О причинах можно лишь догадываться: видимо, живое, конкретное и полезное дело казалось ей предпочтительнее, чем долгая (и донельзя бюрократизированная) дорога к высшему научному статусу. Но можно не сомневаться: если не в формальном, то в некоем сущностном смысле она этим статусом, безусловно, обладала. Просто ценила отведенное ей судьбой время.

...Годы шли, город Горький давно уже переименовался в Нижний Новгород, все меньше оставалось у нас тех, кто знал и помнил Татьяну Федоровну. Но в нашей общей памяти, памяти ее друзей, коллег, учеников, где бы они ни жили – Саратове, Нижнем или где-то еще, ее светлый образ останется навсегда.

С преподавателями Нижегородской государственной консерватории. 2012 год. Сидят слева направо: В.М. Цендровский, В.Б. Валькова, Т.Ф. Малышева, Т.Н. Левая. Стоят слева направо: Т.Б. Сиднева, О.В. Соколов.

Татьяна Ивановна Егорова,
кандидат искусствоведения,
профессор кафедры истории музыки СГК

Воспоминания о Малышевой Татьяне Федоровне

Долго думала, с какого момента начать мои воспоминания о подруге, с которой мы шли по жизни рядом почти 60 лет. С того момента, когда мы встретились и познакомились в Ставропольском музыкальном училище? Или с того момента, когда Татьяна Федоровна приехала на работу в Саратовскую консерваторию после окончания Горьковской консерватории? Или с того периода, когда я начала работать в консерватории на кафедре истории музыки, и была уже не только подругой, но и коллегой Татьяны Федоровны?

Решила, что надо рассказать обо всем понемногу, потому что каждый этап важен, и помогает наиболее полно воссоздать портрет незаурядного, многосторонне одаренного человека и талантливого музыканта.

В начале 1960-х годов Татьяна Федоровна училась на фортепьянном отделении музыкального училища. Скромная, очень деликатная девушка

с длинной косой, большими черными глазами всегда была окружена сокурсниками. Особенно тесными были ее контакты с теоретиками. Поиски записей новой музыки, совместные прослушивания музыкальных новинок, обсуждения концертных программ музыкантов, приезжавших в Ставрополь на гастроли, музицирование в четыре руки, долгие часы, проводимые в читальном зале Ставропольской краевой библиотеки – таков был круг интересов, образ жизни Татьяны Федоровны. К моменту окончания учебы в училище встал вопрос о дальнейшем образовании. В 60-е годы в СССР было немного музыкальных вузов. Кроме того, существовало положение о выделении целевых мест для учащихся Северо-Кавказского региона. Учащиеся Ставропольского училища традиционно были абитуриентами Саратовской государственной консерватории, и большинство друзей Татьяны Федоровны уже были студентами консерватории. У Татьяны Федоровны был нелегкий выбор. Она могла поступить на фортепьянное отделение, или осваивать новую специальность – музыковедение. К огромной радости друзей она выбрала новую специальность и поступила в одну из самых элитарных – Горьковскую консерваторию.

По воспоминаниям Татьяны Федоровны, горьковская консерватория была своеобразным филиалом московских музыкальных вузов. Почти все педагоги были выпускниками Московской консерватории, требования к студентам были невероятно высоки, и первые годы учебы давались нелегко. Закончив фортепьянное отделение училища, Татьяна Федоровна испытывала трудности в изучении теоретических предметов, но упорство и трудолюбие, в сочетании с музыкальной одаренностью и хорошим музлитературным багажом, вывели ее в число лучших выпускников консерватории. Специализировалась Татьяна Федоровна на кафедре истории музыки под научным руководством Т. Н. Левой, а ее дипломная работа о творчестве И. Ф. Стравинского явно приближалась по уровню к диссертационному исследованию. Вопрос о трудоустройстве решался тяжело. Заведующий кафедрой О. В. Соколов, ведущие преподаватели понимали, что Татьяне Федоровне необходимо работать в вузе, поступать в аспирантуру и продолжать работу над диссертационным исследованием. Было принято решение связаться с руководством Са-

ратовской консерватории и направить Татьяну Федоровну на работу в Саратов. К счастью, ректор консерватории профессор Б. А. Сосновцев, очень дороживший репутацией «третьей в России» и не любивший «варягов», согласился помочь коллегам. Татьяна Федоровна стала преподавателем кафедры истории музыки Саратовской консерватории.

В это время кафедра истории музыки переживала по-настоящему кризисный момент. Ядром кафедры были преподаватели пенсионного возраста, и кафедра явно испытывала необходимость смены поколений и прилива свежих сил. Как это бывает, на нового преподавателя «навесили» все, что требовало реформы учебных курсов и длительных подготовок. Татьяне Федоровне дали нагрузку, состоящую, в основном, из Семинаров современной музыки. Но для нее это была большая удача. Студенты горьковской консерватории регулярно ездили на фестивали «Варшавская осень» и «Праздничная весна», и Татьяна Федоровна была в курсе всех событий, происходивших «за кордоном». Смеясь, она вспоминала, что эксперименты западных авангардистов были настолько экстравагантными, что если на сцене во время концерта исполнители не ломали или не взрывали какой-нибудь музыкальный инструмент, само авангардное сочинение уже казалось скучным и неинтересным. Студенты привозили в консерваторию записи сочинений

современных композиторов и новую музыку, которая звучала на фестивалях. Таким образом, семинары современной музыки оказались спасением для Татьяны Федоровны и с восторгом воспринимались саратовскими студентами.

Работа на кафедре истории музыки складывалась очень удачно. Татьяна Федоровна начала разрабатывать новый учебный курс истории зарубежной музыки, в ее классе очень скоро появились студенты-музыковеды. С первого курса они спешили заручиться согласием и писать дипломные работы под руководством Татьяны Федоровны. Через два года она поступила в аспирантуру Московской консерватории и начала работу над кандидатской диссертацией под руководством профессора Б. М. Ярустовского. Это было очень счастливое время. Татьяна Федоровна получила комнату в общежитии Дома актеров (ул. Радищева д.24), который славился своим богемным образом жизни и среди консерваторцев назывался «дом на помойке» (имелись в виду продуктовые склады и ящики для отходов, располагавшиеся вокруг дома). Но сколько радости доставляло друзьям каждое возвращение Татьяны Федоровны после очередной учебной сессии! В маленькую комнатку набивалось столько народу, что она превращалась в зал филармонии. Татьяна Федоровна привозила книги, редкие записи новых сочинений современных композиторов, делилась впечатлениями от музыкальных

спектаклей и постановок драматических театров. Да, это было окно в другой мир, совершенно непохожий на нашу провинциальную жизнь.

Защитив кандидатскую диссертацию и получив звание доцента, Татьяна Федоровна стала идеальным кандидатом на должность заведующей кафедрой истории музыки. И эта ипостась ее деятельности так же оказалась необычайно продуктивной и успешной. Многое изменилось на кафедре. Были упразднены лекции по истории музыки «на потоке» и учебные программы строго подбирались с учетом специализации студентов. Работа с музыковедами и их специализация (историки – теоретики) начинались с третьего курса, то есть на год раньше, чем предполагалось министерской программой. Постепенно сложился новый профессорско-преподавательский состав кафедры. Подбор новых членов кафедры был очень строгим, но всегда получалось так, что новый человек очень быстро «вписывался» в основной состав, и между старшим поколением и молодыми преподавателями устанавливались дружеские и очень уважительные отношения. На кафедру стали приходить выпускники Саратовской консерватории, талантливые ученики Татьяны Федоровны – О. Б. Краснова, С. В. Волошко, немного позднее – А. Г. Хачаянц, Н. В. Королевская, И. В. Сергеева, Н. С. Серова. Огромной удачей было приглашение талантливых музыкантов из других вузов. Десятилетний период работы на кафедре Е. К. Шкариной, выпускницы Ниже-

городской консерватории, до сих пор остается в памяти ее коллег. Незаменимым помощником Татьяны Федоровны стала выпускница Новосибирской консерватории И. В. Полозова.

Очень ценной для консерватории оказалась административная деятельность Татьяны Федоровны. В течение продолжительного периода она была Секретарем Ученого Совета СГК. Здесь проявились такие качества как дисциплинированность, умение организовать процесс избрания кандидата на должность, подготовка необходимых документов для подтверждения ученого звания или представления на почетные звания Ветеранов труда.

Трудно объять необъятное и написать обо всем, что сделала Татьяна Федоровна для своих коллег, для всего коллектива СГК. Помню, в 2008 году к столетнему юбилею старейшего профессора кафедры – М. Ф. Гейлиг, я написала статью «Эпоха Марианны Федоровны Гейлиг». Потом мне это название показалось слишком амбициозным и я пошла за советом к Татьяне Федоровне. Она спокойно ответила: «почему же – нет? Это действительно была Эпоха». И сейчас я могу с уверенностью сказать, что период с 1970-х до 2020-х в консерватории был «Эпохой Татьяны Федоровны Малышевой».

Состав кафедры истории музыки, 2012 г.

Зинаида Борисовна Карташева (Манжора),
кандидат искусствоведения,
профессор кафедр
Инструментов джазового оркестра
Теории и истории музыки
Московского гос. института культуры

Танюша, родная моя

Да, именно так мы обращались друг к другу последние 45 лет. И так не хочется верить, что на этом свете нашего общения больше не будет...

Знакомство наше началось в конце августа 1975 года, когда я, только что окончив Московскую консерваторию по кафедре истории зарубежной музыки, начала преподавать в Саратовской консерватории на кафедрах истории и теории музыки. Стать педагогом вуза в 23 года - это очень непросто. Благо, у меня было в консерватории много знакомых, потому, что мы жили в Саратове в 1960–68 годах, и я училась два первых курса в Саратовском музыкальном училище. Но главное, у меня было два надежных помощника - мой отец Борис Георгиевич Манжора и Таня, с которой мы сразу подружились.

Мне было доверено вести семинары по современной музыке, поскольку педагога для них на тот момент не было. Блестящий музыкант Анатолий Иосифович Катц, который ранее вел этот курс, был с позором изгнан из славного вуза за то, что для лучшего понимания студентами произведения на библейскую тему, он осмелился принести на семинар (о ужас!) Библию.

Таня, у которой уже был опыт работы в консерватории, посвящала меня во все тонкости преподавания, а потом - чтения лекций по истории зарубежной музыки и руководства дипломными работами музыковедов, что для меня (без года неделю педагога) было очень ответственно. Мне были удивительны ее невероятная любовь к своей профессии, ее глубочайшие знания, полученные от ведущих музыковедов страны, оригинальность мышления и готовность поделиться всем, что знает и умеет.

Я проработала на кафедре четыре учебных года, и все время чувствовала ее поддержку. Во многом именно она давала импульсы для моего поступления в аспирантуру, для выступлений на конференциях, сама являясь образцом постоянного научного и творческого роста. Мы вместе переживали сложности реалий того времени, Я помню, как моей дипломнице председатель госкомиссии поставил тройку за вполне приличную работу только потому, что в библиографии она указала книгу, автор которой эмигрировал из СССР (будто бы нас в Саратове должны были извещать об этом!). Или, как в один прекрасный

день мы с Таней должны были показывать на занятиях музыку в исполнении Ростроповича и Вишневецкой, а в фонотеке все их записи были изъяты по той же самой причине!

Мы стали добрыми друзьями, и общение наше быстро вышло за пределы консерваторских стен.

Жилось ей в комнатке общежития (что во дворе за церковью около консерватории), называемого в просторечии «помойкой», среди тех, кого называют ученым словом «маргиналы», не слишком комфортно, с общими «удобствами» и кухней. Но она никогда не роптала, и комнатка эта всегда была открыта для друзей, и в ней постоянно звучала прекрасная музыка.

Тане было не привыкать жить в общежитии. Семья ее жила в Ставрополе, когда она училась в консерватории в Горьком, и в том общежитии в Саратове она жила лет десять. Как-то раз, когда Танюша ловко и привычно варила борщ на электроплитке в своей комнатке, мы разговорились о ее родителях и о том, как бы ей было хорошо жить с мамой. Я поняла, что они в Ставрополе на высоких постах, а папа даже чуть ли не герой

гражданской войны. Видимо уже только после его ухода мама смогла сделать междугородний обмен, они стали жить вместе, и у Тани появилась квартира. Кстати, Таня рассказывала, что мама ее ставропольской подруги была портнихой Раисы Горбачевой. Так что первая леди блистала в нарядах ее изготовления, поскольку взяла ее с собой в Москву.

Есть такое понятие - любовь к ближнему. Если для кого-то это нечто абстрактное, то для Танюши это было законом ее жизни. Я никогда не слышала, чтобы она кого-то критиковала. Все люди для нее были просто замечательными! Если даже она говорила о чьих-то старческих или творческих причудах, то это было так по-доброму, с таким пониманием! Невольно к ней тянулись все - педагоги, студенты, друзья, друзья друзей, дети... Дипломный класс ее всегда был переполнен. Она не только на высочайшем научном уровне руководила дипломами и диссертациями - она становилась родной для своих выпускников и их семей. С ней делились сокровенными тайнами, спрашивали совета, и для всех она находила местечко в своем добром сердце. При всей своей музыковедческой серьезности, она обладала прекрасным и добрым чувством юмора, была очень смешливой.

Я не скрою, что для моей семьи она стала «крестной мамой», потому что знакомство с моим будущим мужем произошло, хотя и в Москве, но именно в компании, состоявшей из ее друзей, причем, некоторые из них были ее бывшими студентами.

Я уехала из Саратова в 1979 году, но мы постоянно встречались, перезванивались, переписывались, обсуждали дальнейшие события нашей жизни.

Я приезжала к Танюше на свадьбу, которую праздновали в том самом домике за церковью. Они с Володей были такие счастливые! Но самой счастливой была его мама, и я только потом поняла почему: ведь теперь все проблемы с ним перекладывались на Танины плечи.

Несколько лет спустя я встретила с Таней в Ленинской библиотеке. Она была непривычно грустна и поделилась со мной очень личным: очень хотела ребенка, но, несмотря на лечение, от которого она чуть не ослепла, надежды на это наверное нет, и ей жалко, что ее семья не продолжится. Я ей передала совет опытного врача, и он пошел на пользу - родилась долгожданная Света. Господи, как же она была счастлива! Потом и второй ребенок появился, и все время, как добрый ангел, ей помогала мама. Пережить потерю ребенка - что может быть страшнее для матери! Но Таня справилась, может быть помогла работа и любовь ее друзей.

Какие беды ее ждали дальше в семье, я даже не буду говорить, слишком тяжело и страшно. Она не жаловалась, скрывала, даже придумывала какие-то небылицы, чтобы объяснить причины потери 25 килограммов веса. Но когда мы встретилась с ней в последний раз в 2017 году на концерте в честь юбилея моего отца, я ужаснулась: было такое ощущение, что на ней лежит неимоверно тяжелый груз. Ласковый и озорной взгляд стал потухшим, обреченным. Куда делись ее улыбка и заразительный смех! Подробностей о ее жизни последних лет я не знала - она перестала писать, не отвечала на звонки. Когда прошлым летом я услышала рассказ Ирины Евгеньевны о том, что с Танюшей действительно происходило, я была просто потрясена: за что

же судьба так жестоко с ней обошлась! Но не хотелось бы заканчивать рассказ о нашей многолетней дружбе на такой горестной ноте. Все-таки я всегда буду помнить о ней самое светлое и хорошее. Все годы, что мы жили в разных городах, общение наше не прерывалось. Всегда с радостью встречались, писали и говорили друг другу добрые слова и пожелания, делились новостями нашими и общих друзей. Я писала рецензии на авторефераты ее аспирантов, посылала материалы, которые она просила; она помогала готовить к защите мою аспирантку, давала ценнейшие советы. Мы делились своими общими проблемами как заведующие кафедрами (я больше семи лет была зав. кафедрой эстрадных оркестров и ансамблей Московского института культуры). Как ей удавалось делать такой невероятный объем педагогической, научной и административной работы, и при этом в буквальном смысле тащить на себе семью - у меня до сих пор в голове не укладывается. Число Таниных дипломников, аспирантов и тех, кто считает себя ее учениками, не поддается подсчету. Без преувеличения, она создала свою музыковедческую школу.

Самые лучшие человеческие качества - это все Танюша. Сколько людей, включая меня, с благодарностью и любовью будут помнить о ней! А пока помнят - она жива.

*Наталья Сергеевна Аршинова,
доцент кафедры истории музыки СГК*

Памяти Татьяны Федоровны

Не помню, каким образом я впервые познакомилась с Татьяной Федоровной, только как-то узнала, что на нашей кафедре истории музыки появился новый человек – выпускница Нижегородской (тогда Горьковской) консерватории. Не помню, когда конкретно ее увидела: маленькая, пухленькая, с шапкой черных густых волос. Почти такой же она и осталась до моего ухода на пенсию в начале февраля 2014 года. Припоминаю одну случайную встречу в консерваторской библиотеке. Новая преподавательница попросила какие-то ноты у библиотекаря, причем робким голосом, почти шепотом. Когда она ушла, Елена Дмитриевна Ершова, которая была тут же, подмигнула мне с улыбкой: дескать, смотри, какая скромница.

В рабочих условиях мне впервые довелось встретиться с Татьяной Федоровной, когда нас вместе назначили на экзамены по музлитературе у абитуриентов при приеме на музыкальный факультет. Она сразу взяла инициативу на себя, выступая перед абитуриентами в роли ведущей, и в ее голосе появились удивившие меня твердость и властность – явные лидерские задатки, что закономерно привело ее к тому, что она возглавила кафедру. Ее ведущее положение на кафедре определила и прогрессивность ее научного мышления.

Я не была слишком близка с Татьяной Федоровной, хотя общались мы на «ты» (кстати, по ее инициативе). Она была со всеми неизменно доброжелательна. Любила пошутить, когда была в настроении, поиронизировать над чем-то или над кем-то, но довольно добродушно. Когда я в 2008 году после тяжелой болезни отбывала процесс реабилитации в Октябрьском ущелье, Татьяна Федоровна приехала вместе с мужем навестить меня, как, впрочем, и другие мои коллеги, чем я была очень тронута.

Ее длительное и бессменное существование в качестве главы кафедры объяснимо умением ладить с людьми и заботой о положении кафедры в консерватории. Лично меня устраивало, что она не вмешивалась в мое преподавание, позволяя изобретать свои методы. Видимо, оценив нестандартность и известную новизну моей трактовки предмета истории русской музыки в консерватории именно как истории, а не традиционной музлитературы, она предложила оформить в книжку мою научную продукцию. А зная мою инертность в продвижении своих

научных писаний, она взяла на себя роль «толкача», побуждая меня быстрее работать, чтобы книжка, наконец, вышла в свет. Заслуга в этом целиком принадлежит Татьяне Федоровне, к которой я испытываю искреннюю и глубокую благодарность.

Очень и очень жаль, что Татьяна Федоровна несколько «не дожила», возможно, отпущенный ей весьма плодотворный жизненный срок. Ведь казалось, что ее умственная энергия неиссякаема. Но и то, что она успела сделать в жизни и для консерватории, останется в доброй памяти ее коллег.

Александр Иванович Демченко,
доктор искусствоведения,
профессор кафедры истории музыки СГК

«Итак, она звалась Татьяной...»

Мы пришли на кафедру истории музыки почти в одно время, а немного погодя, в одном и том же 1972 году стали лауреатами Всесоюзного конкурса молодых музыковедов. Таня разрабатывала проблематику гротеска (главным образом на материале творчества Стравинского), и для советских времен это было довольно эксклюзивным, для многих из нас новым, свежим и весьма смелым. И можно только сожалеть о том, что столь интригующая тема закончилась для нее только кандидатской диссертацией.

Впоследствии, уже будучи председателем диссертационного совета при Саратовской консерватории, я многократно пытался спровоцировать ее на работу над докторской, но безуспешно. А ведь большой потенциал исследователя был у нее совершенно очевиден. Думаю, что помешала свойственная ей повышенная ответственность перед кафедрой, которую она вскоре возглавила, перед учениками, которых всегда было так много, и перед семьей, для которой она была женой, матерью и всем остальным, включая материальное обеспечение.

При этой своей огромной занятости опять-таки чувство повышенной ответственности (на этот раз, ответственности перед вузом, которому она отдала всю свою жизнь) побудило Татьяну Федоровну массу сил и времени отдать изучению настоящего и про-

шлого нашей консерватории. До сих пор не теряет актуальности написанное ею о многих саратовских композиторах, в том числе вышедшая в 2011 году небольшая книга «60 лет. Юбилею Саратовской композиторской организации посвящается». А какой драгоценностью остается и останется сделанное ею по части анналов консерваторского бытия и особенно ее труды по обработке и систематизации хранящегося у нас архива Б.Л.Яворского!

Самые отрядные наши воспоминания о Татьяне Федоровне связаны с ее заведованием кафедрой истории музыки. Когда два года назад по состоянию здоровья она покидала этот пост, я на заседании Ученого совета после слов благодарности за ее большие труды позволил себе публично заявить, что в «годы правления» Татьяны Федоровны это была самая образцовая во всех отношениях кафедра консерватории. Никаких конфликтов и диссонансов, мир, гармония и благодать продуктивной созидательной деятельности! Все это благодаря уникальным человеческим качествам ее натуры. Деликатность, отзывчивость, желание добра. Она всегда была готова поделиться тем, чем располагала. Помню, как часто навещался к ней, чтобы позаимствовать необходимое из ее богатейшей коллекции книг, нот, грамзаписей.

Мы были свидетелями неурядиц ее семейной жизни (сама она никогда не подавала вида на этот счет) и печального финиша ее пути. Такова одна из вопиющих несправедливостей, которые нередко сопровождают наше существование в этом мире. Остается надеяться, что за все это ей уже воздается блаженством и покоем в мире ином.

Елена Ивановна Вартанова,
кандидат искусствоведения,
профессор кафедры теории музыки
и композиции СГК

Светлой памяти Татьяны Федоровны Малышевой

Мое отношение к Татьяне Федоровне определилось сразу же – во время ее первого выступления, состоявшегося в начале 70-х гг. перед педагогами и студентами консерватории. Это событие буквально вошло в мою жизнь, сохранившись в памяти эффектом, подобным звучанию «Фейерверка» Дебюсси. В сущности, это была самопрезентация только что окончившего Горьковскую консерваторию молодого педагога. Восторженная реакция же на нее была обусловлена не только тем, о чем говорила Татьяна Федоровна (а она делилась своими впечатлениями о «Варшавской осени» – музыкальном фестивале, в котором участвовала мировая композиторская элита), но и тем, как она рассказывала об этом. Думаю, не только я, но и многие присутствующие, были зачарованы яркостью и незаурядностью этого выступления, невольно проявившего в академизме нашей музыковедческой школы оттенок некой скучноватости. Во всяком случае, нами сразу же был воспринят и оценен высокий тонус творческой и интеллектуальной одаренности начинающего педагога.

Мои воспоминания о чуть позже возникших личных контактах с Татьяной Федоровной связаны с уже вагнеровскими и томасоманновскими ассоциациями (только что изданный роман «Иосиф и его братья» был постоянно обсуждаем нами).

Впечатления, которыми я делюсь, стали своеобразным камертоном моего отношения к Татьяне Федоровне за весь период почти полувекового общения с ней. И я несколько не преувеличиваю их. Ведь она появилась в нашей консерватории Жар-птицей, принесшей своей профессиональной манерой стиль Горьковской (Нижегородской) консерватории, которая до сих пор хранит отсветы аристократизма научной школы Московской консерватории. Известно, что в сравнительно молодой консерватории Нижнего Новгорода поначалу (вероятно, «вахтенным» способом) преподавали профессора столичного вуза. А учителями Татьяны Федоровны были их ученики, ставшие патриархами отечественного музыкознания (О.В. Соколов, В.М. Цендровский

и ныне здравствующие Т.Н. Левая и Б.С. Гецевлев). Среди обучавшихся же с ней студентов немало музыковедов с именами, известными не только в отечественной, но и в мировой науке (С.И. Савенко, В.Б. Валькова, Б.Ф. Егорова, В.Н. Сыров, Л.В. Саввина). Деятельность Татьяны Федоровны всегда определялась причастностью к своей Alma mater. Более того, в недавнем разговоре со мной В.Н. Сыров (ныне заведующий кафедрой теории музыки Нижегородской консерватории) назвал ее «нашей Танечкой». И уж совсем не случайно, появившиеся на наших музыковедческих кафедрах две новые Жар-птицы (Е.К. Шкарина и Н.Е. Мирошниченко), к сожалению, недолго проработавшие у нас, оказались выпускницами консерватории именно Нижнего Новгорода.

Мы прошли с Татьяной Федоровной долгий отрезок жизни, вместе работали с ней, многие годы заведя параллельными музыковедческими кафедрами, мужественно, помогая друг другу, переживали перипетии, возникавшие на нашем пути. И я благодарна Татьяне Федоровне за дружественное к себе отношение – внимание, поддержку, мудрые советы. Уверена, что светлая память о ней сохранится у многих, знавших ее.

Лариса Георгиевна Сухова,
доктор педагогических наук, профессор кафедры
специального фортепиано Тамбовского государственного
музыкально-педагогического института
имени С.В. Рахманинова,
Заслуженный работник культуры РФ

Невосполнимая утрата

Мое общение с Татьяной Федоровной Малышевой продолжалось чуть больше шести лет, с 2011 года: она была заведующей кафедрой истории музыки, а я – декан теоретико-исполнительского факультета. Контактировать приходилось много по самым разным вопросам учебно-воспитательного процесса. Татьяна Федоровна, обладавшая большим опытом работы руководителя кафедрой, в решении даже самых сложных вопросов всегда проявляла тактичность, корректность, заинтересованность и понимание важности принятия решений. Она хорошо знала особенности характера, поведения студентов кафедры, постоянно проявляла заботу о них и оказывала помощь в преодолении сложностей разного уровня. Благодаря этим качествам руководителя, проблем, требующих принятия непопулярных мер, не возникало.

Под руководством Татьяны Федоровны блистательно работали преподаватели кафедры – высокопрофессиональные специалисты в своем деле были объединены единой идеей, единым подходом в качественной подготовке молодых специалистов. Искренний и добрый человек, Татьяна Федоровна умела всегда оставаться уравновешенной, трудно было себе представить ее кричащей, или повышающей голос, это было несовместимо с ее внутренней культурой и воспитанием. Всегда чувствовалось уважение к собеседнику – будь это руководители консерватории, преподаватели или студенты.

Огромную помощь Татьяна Федоровна оказывала в выполнении редактирования научных статей преподавателей, аспирантов, студентов по материалам научно-практических конференций, при этом относилась к такой работе предельно внимательно и аккуратно, проявляя интеллектуальные музыкально-аналитические способности, характерные в процессе ее плодотворной научной работы.

Татьяну Федоровну отличали от многих полная самоотдача, увлеченность и честность в любом деле, за которые она бралась, самоотверженный труд как единственный способ ее существования. Ей был чужд эгоизм, она любила студентов, любила людей, искусство, жизнь. Ее личная активность носила общественный характер.

Убеждена, что память о Татьяне Федоровне Малышевой сохранится в делах ее коллег, аспирантов, студентов и просто сослуживцев, которых она всегда встречала с улыбкой и доброжелательностью.

ПРИНОШЕНИЯ

Татьяна Гершбейн,
выпуск 1989,

докторант университета Бар Илан (Израиль),
музыкальный терапевт Медицинского гериатрического центра

Памяти Учителя

«**Е**сть места, приходя в которые, ты осматриваешься по сторонам и с удовольствием продолжаешь свой путь...

Есть люди, встречая которых, ты улыбаешься им и следуешь своей дорогой...

Есть особые места, их немного, приходя в которые, тебе хочется остаться, потому что в них тепло и хорошо. И тяжело их покидать, чтобы идти дальше...

Есть люди, встречая которых, общаешься с ними, привязываешься к ним. И когда приходит время продолжить свое движение вперед, они остаются с тобой, глубоко в твоём сердце...» (неизвестный источник, пер. с иврита)

Дорогая Татьяна Федоровна!

Мы с Вами попрощались чуть более тридцати лет назад после вручения дипломов об окончании СГК. Вряд ли думалось, что навсегда. Обстоятельства, расстояния, границы... Вы навсегда остались для меня молодой, харизматичной и бесконечно мудрой. Мне очень повезло в жизни – я имела возможность три года общаться с Вами. Именно общаться, потому что написание дипломной работы под Вашим руководством – это гораздо больше, чем просто учеба. В воспитании детей родительский пример важнее слов и наставлений. Вы учили своим отношением к музыке, к науке, к жизни, и за это я Вам бесконечно благодарна.

Дорогая Татьяна Федоровна! Я благодарна Вам за Ваше трепетное отношение к музыкальному произведению как к величайшему чуду, единственному и неповторимому, анализ которого требует индивидуального подхода, а не соответствия общепринятым схемам.

Я благодарна Вам за Вашу честность и принципиальность в исследовательских вопросах, смелость

идти до конца и мудрость распознавать подводные камни.

Я благодарна Вам за Вашу необъятную эрудицию, богатство ассоциаций и оригинальность мышления, которые побуждали меня к саморазвитию.

Я благодарна Вам за ту свободу творчества, которую Вы мне предоставляли, за искреннюю заинтересованность моими самыми невероятными идеями, за уважение и поддержку.

Я благодарна Вам за Вашу готовность помочь мудрым советом, философским взглядом на проблему или реальными действиями в любое время дня и ночи.

Я благодарна Вам за ту исследовательскую искру, которую Вы мне подарили и которая всегда со мной, в какой бы области знаний я ни работала.

Дорогая Татьяна Федоровна! Мы с Вами попрощались чуть более тридцати лет назад. Оказалось, навсегда...

Да будет благословенна Ваша память!

Ирина Татаринцева,
кандидат искусствоведения,
доцент ТГУ имени Г. Р. Державина,
ТГМПИ имени С. В. Рахманинова

Памяти Малышевой Татьяны Федоровны

Самым большим прискорбием узнала весть о кончине дорогого моему сердцу Педагога, во многом сформировавшего мою профессиональную судьбу – Татьяны Федоровны Малышевой.

Благодаря этому замечательному человеку я, много лет тому назад, оказавшись в стенах Саратовской консерватории, ощутила себя не только сопричастной ее замечательным академическим традициям, но и погрузилась в современную творческую атмосферу. С огромным теплом и благодарностью я вспоминаю занятия в классе профессора Татьяны Федоровны. В процессе обучения она стала для меня не только моим научным руководителем, обладающим широкой эрудицией и бесконечно преданной своему делу, но и близким человеком, вселившим веру в мои профессиональные возможности. Меня всегда поражало в ней неординарное мышление, стремление увидеть в теме, которой она была увлечена, глубинный сакральный контекст. Татьяна Федоровна никогда не следовала общеизвестным традиционным штампам. Так, например, ее потрясающие аналогии между мифом и музыкой, которые затрагивали в слушателях, по ее мнению, общие для них «ментальные структуры», удивляли меня как в то дальнее время, так и сейчас. Абсолютно уверена, что защита моей диссертации в Московской консерватории никогда не состоялась бы не только без моего научного руководителя, Георгия Вильгельмовича Крауклиса, вложившего в мою работу глубинный содержательный аспект и частичку своей души, но и той базовой основы, которую дала мне в Саратовской консерватории Татьяна Федоров-

на. Одновременно с этим хотелось бы отметить ее удивительные душевные качества, направленные на постоянное сопереживание за судьбы своих учеников. Наше творческое и просто человеческое общение продолжалось и в последующие годы, она неоднократно оказывала мне честь быть оппонентом на защите диссертации своих аспирантов.

Мое восприятие ухода в иной мир Малышевой Татьяны Федоровны – это как «распавшаяся дней связующая нить». Однако я надеюсь, что эта нить не прервется в той жизненной и профессиональной позиции, которую она абсолютно бескорыстно дарила своим ученикам.

Наталья Королевская,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры истории музыки СГК

По следам моей памяти

«Никогда»

Татьяна Федоровна стала частью моей жизни. В 1990 году я окончила консерваторию в ее классе. А через 12 лет она оказалась в Волгограде в Центре офтальмологии «Микрохирургия глаза» и по этому случаю – у нас в гостях. Тогда и произошло то, что перевернуло всю нашу жизнь: Татьяна Федоровна привезла В. Г. Королевскому приглашение

от Е. И. Вартановой и А. А. Скрипя (в то время ректора консерватории) на кафедру теории музыки и композиции. И мне ничего не оставалось, как последовать за мужем и, оказавшись под крылом Татьяны Федоровны, пройти аспирантуру, защитить диссертацию и даже стать первой защитившейся под ее руководством диссертанткой (предмет моей особой гордости, при огромном количестве учеников

в ее классе). На протяжении целого ряда лет после возвращения в консерваторию меня не покидало стойкое ощущение, что жизнь повернула вспять: пришлось все начинать сначала – засесть за ноты и книги, имея еженедельно 9 разных подготовок. Помню свои жалобы, обращенные к Татьяне Федоровне: «И когда это кончится?», – ее улыбку в ответ и смеющийся взгляд: «Никогда...»

«Жизель»

Первый раз я о ней слышала. Словесный портрет принадлежал моему будущему мужу, который на правах старшекурсника очертил картину ближайшего для меня этапа консерваторского образования. Перечислив педагогов, с кем меня ожидала встреча на втором курсе, он отдельно представил Татьяну Федоровну: «...Как она рассказывает о «Жизели», невозможно не заплакать». Потом клavier балета Адана появился у нас дома, и трогательность и наивная чистота этой музыки навсегда соединились с образом Татьяны Федоровны...

Листы

После первого заочного знакомства я с нетерпением ждала наступления второго курса, главным образом из-за Татьяны Федоровны. Она пришла к нам после декретного отпуска, счастливая, наполненная эмоциями женщина. С первого же урока я ощутила ее особенную, ни на кого не похожую харизматичность. Она входила в 53-й класс, занимала место у противоположной от окон стены и доставала кипу листов толщиной с оперный клavier. Лекция проходила так: издалека (память настаивает на этом ракурсе) Татьяна Федоровна напоминала гадалку, раскладывающую пасьянс, и ее «колода» в течение пары плавно перетекала из одной стопки в другую. Это действовало завораживающе: она как будто пребывала в некоем трансе, далеко от нас, наедине со своим предметом, но это было лучшим способом вовлечь группу в атмосферу транцендентирования – присутствия на «месте» освещаемых музыкально-исторических событий, кроме которых в данный момент ничего больше не существовало. Внешне это выглядело так, как будто все, что она говорила, находилось в этих листах. Каково же было мое удивление, когда однажды я увидела эту пачку вблизи. Это были... чистые листы, на которых только в самом верху ее компактным узеньким почерком в одну-две строчки было что-то написано. Эти строчки, определявшие каркас лекции и служившие опорой для памяти, вполне могли уместиться на одной-двух страницах... Позже система чтения лекций на основе «опорных сигналов» перешла в ее методички для студентов («Итальянская опера XIX века»). Там – только самое необходимое, но между строк свернуты... те самые чистые белые листы, заполнение которых теперь – в руках самих

студентов. А студенты почему-то думают, что достаточно повторить написанное...

Сказки

...Некоторые лекции проходили на ногах (два шага вперед – два шага назад), но этот образ в моей памяти стерся. О нем напомнил студенческий капустник 2004 года (первый год моей работы на кафедре), на котором одна из выпускниц именно так – два мелких шажка вперед и два назад, с остановками в конце этих равномерных «наступлений» и «отступлений», – изобразила Татьяну Федоровну (помню общий восторг узнавания, но, главное, детскую радость самой Татьяны Федоровны!). На семинарах она обычно садилась напротив группы, и мы видели ее глаза, всегда живые, настроенные на общение. Они потухали, если мы не готовы были отвечать (до сих пор ужасно стыдно), и зажигались интересом и любопытством, когда аудитория не безмолвствовала. Мы никогда не знали, какая лекция ждет нас впереди. Татьяна Федоровна читала курс, располагая темы в любом порядке, поэтому каждый новый урок содержал интригу: а что сегодня? И вот однажды она не вошла, а буквально влетела в класс и, не останавливаясь, пересекла его по диагонали. Никаких листов... Усаживаясь на стул в самом центре и собирая взглядом присутствующих, она весело подмигнула и с озорством произнесла: «А сегодня я вам буду рассказывать сказки!» Ей была свойственна эта веселая, озорная интонация, которой она сразу же «брала» аудиторию и не отпускала до конца выступления (помню не одно такое выступление на конференциях). «Сказки» оказались самыми настоящими сказками – Татьяна Федоровна пересказывала тетралогии Вагнера, «выпрямляя» этот закрученный кольцами сюжет, иронизируя то над «мудростью» Вотана-многоженца, то над гигантоманией Вагнера, благодаря которой пересказ

одного сюжета занимал целую пару (или две? Увы, память подводит)...

Стихия

Татьяна Федоровна была блестящей рассказчицей. Но истинная ее стихия – музыка. Первая лекция об оперном творчестве Беллини сопровождалась музыкальными иллюстрациями за роялем. Я помню, как, показывая, из чего состоит итальянская бесконечная мелодия (на примере божественной «Casta Diva»), она с каким-то особенным наслаждением проигрывала все эти продлевающие мелодическое дыхание морденты, опевания, группетто, «cercar la note»... Она придумывала потрясающе интересные музыкальные загадки! К примеру: почему «он вечно тот же, вечно новый» – Россини у Пушкина? Ответ – хотя бы в арии дона Базилио: неаполитанский секстаккорд! Кто его только не использовал до Россини, но так, как Россини – «чтобы он буквально взрывался!» – еще никто! Для нее в музыке было важно не то, что музыка выражает, а само музыкальное звучание. Мотивы и темы «говорили» и «действовали», как персонажи в «коробке» из «Театрального романа» М. Булгакова. «У Малера все эти темы – они же, как живые, как маленькие человечки?», – всплывает в памяти ее вопросительный голос (вопрашающий в тебе «сродственное» понимание). Я знаю, что Малера она не могла слушать без слез. Но любимым композитором был Ф. Шопен. Однажды я высказала эту догадку вслух, а она ответила вопросом на вопрос: «А у Вас разве нет?..» И попала в самую точку. Как можно, чтобы Шопен не был любимым композитором? При этом любимым был каждый, о ком она рассказывала в данный момент. Я помню, с

какой благоговейно-трепетной интонацией она говорила о пророческих прозрениях позднего Листа, о гениальности руссиниевской «Семирамиды» или «Бала-маскарада» Верди... Но, главное, Татьяна Федоровна учила бережному прикосновению к музыке, даже если к ней прикасается гений: «Берлиоз переоркестровал «Норму», Чайковский «Сомнамбулу», – Беллини пропал...» Она не любила приложения к музыке отвлеченных концепций. Я помню, как она морщилась, когда меня занесло в теорию систем: «Разве в музыке может быть системность?..», – в ее голосе звучало разочарование, ведь музыка – это живое. Главное в музыке – сама музыка. Это сказал И. Стравинский. А Татьяна Федоровна так думала.

Как нельзя не любить Шопена, так нельзя было не любить Татьяну Федоровну, со всей ее трепетностью, детской доверчивостью и непосредственностью, с ее святой любовью к музыке, которую она передавала всем, кого учила (помню, как её ученик, духовик по специальности, проработавший в Волгоградском симфоническом оркестре не один сезон после окончания консерватории, искренне сожалел, что не может вернуть ей старые «долги»: «Вот если бы сейчас пришлось писать викторину у Татьяны Федоровны, я готов с любого места в разработке, любую тему с трех нот...»). Мне выпало счастье учиться у нее. И мне горько, оттого что ее больше нет с нами. Но, входя в 53-й класс, я всегда буду ощущать ее присутствие. И всегда буду помнить ее добрую беззащитную улыбку, вопрошающий, как бы неуверенный взгляд (именно этот взгляд стоит сейчас перед моим внутренним взором), ее мягкость, тихость, безобидность и человечность...

Наталья Серова,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры истории музыки СГК

Мы вас учим своей личностью....

Татьяна Федоровна была в моей жизни более двадцати лет. Сначала – моим педагогом по специальности, позднее – научным руководителем кандидатской диссертации, потом – начальником и старшим коллегой. Когда-то я выбрала ее своим наставником, а она приняла меня в свой многочисленный класс. Мне повезло.

Всегда удивляла ее способность работать успешно с очень непохожими друг на друга студентами. Она умела видеть в каждом сильные стороны и затем, на протяжении нескольких лет занятий поддерживать, возвращать эти преимущества. Порой казалось – плохих студентов для нее не существует. Существует же научная проблема, наш взгляд на нее, наш, пусть скромный, вклад, тексты, написанные очень разными (часто почти нечитаемыми) почерками. Она разбирала и понимала все. Как редкие моменты успеха (и тогда – счастья) вспоминается ее искреннее «Как интересно!».

Поражали ее знания. Особенно, конечно, увлечение Вагнером. Он казался тогда непреодолимым, непомерным, а она ориентировалась так легко, как будто уже родилась со знанием всех лейтмотивов и всех сюжетных линий Тетралогии.

«Понимаете, ведь он был с Зигфридом до конца»

Это – о Гунтере. Она говорила, что Гунтер – ее любимый персонаж в Тетралогии. Из-за способности верить тому, кого однажды выбрал другом, из-за преданности. Это было в ней самой. Ее какое-то неизбывное доверие дисциплинировало. Она умела доверять – и по-человечески, и профессионально. Скорее наблюдала за нашим развитием, чем указывала. Не пыталась перекрыть, только подправляла, открывала незамеченные нами возможности.

Терпение Татьяны Федоровны казалось безграничным, а снисходительность – иногда просто непостижимой. Впрочем, видимо, она хорошо понимала, кому из нас не навредит эта снисходительность.

«Ох уж эти дамы! Они таки-и-и-е»

Это – о моцартовской «Волшебной флейте», о трех дамах Царицы ночи. Сопровождалась эта фраза очень лукавым взглядом. Удивляла ее

способность осознавать значение второстепенных персонажей, не замыкаться на центральной коллизии, видеть детали, скрытые черты. Это качество отличало ее и в обычной жизни. Она учила воспринимать и художественный мир, и мир реальный многопланово. Избегала одномерных суждений сама и пыталась привить это нам. Пожалуй, благодаря ее школе, я знаю, что в любой концепции, как и в любой жизненной ситуации, всегда есть «что-то еще», другая сторона, нечто пока нераскрытое, непонятое.

«Вы все замечательные»

Наверное, многие помнят Татьяну Федоровну как исключительно доброжелательного человека. Она не говорила о людях плохо, избегала конфликтов. Любую ситуацию старалась разрешить мирно, привести все оппонирующие стороны к позитивному исходу. Ее окружала аура спокойствия и приязни. Про любого студента, коллегу могла сказать что-то хорошее. Всегда стремилась раскрыть это хорошее. Это еще один из ее уроков – в человеке нужно стараться увидеть достоинства, даже если недостатки очевидны. Иногда удивляла ее система оценивания на экзаменах. Студент, перебивавшийся с тройки на четверку с минусом, вдруг получал «отлично» за ответ по

истории музыки. «Татьяна Федоровна, почему?» – «Он показал ракурс, которого я не заметила, он сам его увидел». Способность студента перешагнуть рамки учебной ситуации, мыслить не как ученик, а как музыкант, ценилась ею чрезвычайно. И очень ее радовала. «Представляете, он обо всех симфониях рассказывал с позиции партии тромбона. Так интересно!»

«Мы вас учим не своими знаниями. Мы вас учим своей личностью»

Не помню, по какому поводу она это сказала. Однако периодически эта фраза всплывает, приходит как подсказка в разных ситуациях. Нельзя стать профессионалом, не став человеком. Нельзя отделить профессию от личности, работу от жизни. Она так и жила – все, чем занималась, было личным, искренне переживаемым. Для нее как будто не было чужих людей, чужих проблем, по крайней мере, в пределах консерватории. Почему-то нет ощущения, что она ушла. Кажется, свернешь с лестницы в коридор на третьем этаже, а там она – идет маленькими шажками и улыбается. Рада видеть. Готова участвовать, вникать, интересоваться. Готова учить.

Екатерина Синявская,
кандидат искусствоведения,
преподаватель факультета СПО СГК

Из воспоминаний студентов

I

Разговор родительницы с сыном-студентом консерватории.

- Антон, когда я сегодня заходила в учебную часть консерватории за документами, в этот момент в кабинет зашла еще одна женщина, будто солнышко в окно заглянуло, такая аура светлая распространилась вокруг от нее....это ваш педагог?...

Студент, не задумываясь, отвечает:

- Мама, это наша Татьяна Федоровна!....

II

Экзамен. Пианистка отвечает по билету Т. Ф. Малышевой, которая вела у нее курс истории музыки. Во время ответа студентки Татьяна Федоровна неожиданно прерывает ее возгласом: «Очень жаль...». «Что жаль, Татьяна Федоровна?...» Пианистка в испуге, занервничав, что ответ неудачный, тербит билет.... «Очень жаль, - продолжает учитель, - что мы с вами расстаемся, далее предмет будет вести другой педагог. Отлично, спасибо за ответ...»....

III

Выдохнув полной грудью после государственных экзаменов, студенты-музыковеды пригласили ведущих педагогов к столу на чаепитие в 37 кабинете. В общей беседе были затронуты разные темы: сложности написания дипломов, интересные воспоминания из прошедших пяти лет учебы. Вдруг, как всегда скромно и немного извиняющимся тоном, заговорила Татьяна Федоровна и совсем не об учебных делах: «А вы знаете, вот Екатерина, моя студентка, оказывается, прекрасная швея, костюм, который сегодня надет на ней, она сама сшила!...(студентке стало неловко...). Мы так много вместе работали, и я совершенно не знала об этой ее способности... ведь при общении с человеком постоянно открывается что-то новое... какая-то иная грань... к сожалению, это общение прерывается, так как студенты выпускаются, разлетаются по миру...».

Анна Лукашова (Маркова)

кандидат искусствоведения,
преподаватель факультета СПО СГК

Человек, который всегда с нами

Мое знакомство с Татьяной Федоровной Малышевой состоялось жарким летом 2007 года на вступительных экзаменах в Саратовскую консерваторию. Сейчас, пытаясь припомнить свои первые впечатления от общения с ней, прихожу к выводу, что, увы, никаких ярких воспоминаний не осталось... что-то студенчески привычное, вроде, «тяните билет – пишите – рассказывайте»... экзамен по «Музыкальной литературе» – Сороковая симфония В.А. Моцарта и «Борис Годунов». Представление об этом человеке формировалось постепенно, стало следствием регулярных встреч в классах, коридорах, буфете или Большом зале, стало частью повседневной жизни. Нерядовое в рядовом, а Татьяна Федоровна была именно такой незаурядной личностью. Однажды меня поразило, что, наблюдая за ней, я постоянно провожу параллель с Моцартом – жизнелюбие, мудрость, острый ум и какая-то совершенно детская искренность по отношению ко всем и ко всему вокруг – умение любить и восхищаться людьми, работой, музыкой. Ключ к пониманию некоторых сторон своей натуры, позже, Татьяна Федоровна сама дала, обмолвившись как-то, что ее поколение в молодости не имело возможности познакомиться со многими важными тогда явлениями музыкальной жизни. У нее сохранился этот интерес ко всему новому, стремление узнавать и делиться; вероятно, тут скрыт один из секретов подлинного педагогического таланта – обязательная увлеченность преподаваемым предметом.

Как педагога я узнала Татьяну Федоровну только на втором курсе. А в конце первого перед каждым студентом-музыковедом вставал выбор: к кому идти в класс по специальности? Я сразу определилась, что хочу заниматься у Татьяны Федоровны. Почему? Этот же вопрос задала и мой преподаватель по музыкально-теоретическим дисциплинам из Смоленского училища – Светлана Николаевна Пахомова (Муравьева), сама окончившая Саратовскую консерваторию в середине 80-х годов прошлого столетия, и прекрасно знавшая Татьяну Федоровну. Ответить я не смогла. Выбор был сделан, скорее, интуитивно... Интуиция не подвела! Постигание азов научной деятельности, нацеленность на обучение в аспирантуре и защиту кандидатской диссертации, все это – заслуга Татьяны Федоровны (с аспирантурой, кстати, определились уже через год; Татьяна Федоровна сказала, что-то вроде: «Потом в аспирантуру?»). Памятны и ее напутствия в педагогической деятельности. Я не планировала преподавать, и предложение работать на факультете

СПО было полной неожиданностью. И вот тут-то ободряющий совет: «Не волнуйтесь, Вы все равно больше них (студентов) знаете». А еще мудрое – «Не позволяйте студентам садиться Вам на шею» – вспоминается регулярно.

Я не считаю себя человеком, входившим в число близких Татьяне Федоровне людей, многого о ней я не знала, многое мне не показывали, но так и должно быть. Больше всего мы общались в классе на занятиях по специальности. Тут довольно часто проявлялось потрясающее чувство юмора Татьяны Федоровны. Например, разбираем «Пеллеаса и Мелизанду» К. Дебюсси. Татьяна Федоровна восхищенно отмечает, какая интересная музыка у французов, какая разнообразная с точки зрения интонационности, метроритма, динамики, фразировки и т.д. Потом, вдруг, со вздохом: «А этот Вагнер, что ни напишет, все равно марш получается!». На лекциях по истории музыки: зашел разговор о том, что мифу не свойственна психологичность. Татьяна Федоровна: «Миф не описывает внутренний мир колобка в момент его встречи с лисой». Цитирую своим студентам – умирают со смеху! Или, допустим, речь о вальсе, как о новом явлении в музыкальной и культурной жизни XIX века; Татьяна Федоровна бросает вскользь: «Мужчину трудно научить танцевать вальс. Трудно объяснить, как танцевать на три четверти – ноги-то две!».

Когда начинаешь вспоминать о человеке, с которым общался много лет, подчас, в первую очередь, всплывают какие-то бытовые и, казалось бы, незначительные детали. Футляр для очков Татьяны Федоровны или сумка с изображением кошек, с которой она всегда ходила (думаю, ее многие помнят). Однажды, потихоньку, сфотографировала сумку – очень уж понравился рисунок. Слава Богу, я сохранила эти фотографии и сегодня, просматривая их, понимаю, что для меня подобные детали стали такой же неотъемлемой частью облика Татьяны Федоровны, как и ее блестящие

часто озорные глаза, как тихий мягкий голос, приветливая улыбка. Мне трудно и странно говорить об этом человеке в прошедшем времени – «была»... Постоянно присутствует чувство, что она «есть» и «будет»; все время кажется, что стоит только немного повернуть голову и увидишь Татьяну Федоровну, спешащую на занятия, в коридоре или на консерваторской лестнице. Милая, дорогая Татьяна Федоровна, Вы из тех людей, о которых невозможно говорить в прошедшем времени, Вы – Человек, который всегда с нами!

Ирина Иванеженкова,
выпуск 2002,

независимый редактор, г. Брянск

Мне повезло учиться у Татьяны Федоровны и писать дипломную работу под ее руководством. Руководство это было не совсем обычное. Это был удивительный учитель, тихий учитель. Встречи с ней были соприкосновением с тайным миром музыки. Татьяна Федоровна появлялась где-то в пространстве консерватории, выныривая из своей непостижимой для меня тогда реальности, и заглядывала в ученика, чтобы увидеть в нем еще не проявившийся потенциал и вытащить из него драгоценность. Она могла влюбить в музыку одной фразой: «Вы будете слушать «Симфонию псалмов» впервые? О, как я Вам завидую!» Она не учила – слушала. Всмотривалась и вслушивалась в человека – так, что в нем от этого взгляда рождалась мысль, рождалось знание. Она не диктовала и не вмешивалась – позволяла проявиться живому, подхватывала малейшую искру понимания и задавала ей направление и силу для развития. Я не помню от Татьяны Федоровны указаний, требований. Ничего, кроме доброты и мудрости. Она умела видеть в нас больше, чем мы были.

Не иначе как сверхинтуиция Татьяны Федоровны подсказала и тему моей дипломной работы. Это была «гармония мира», отраженная в творчестве Хиндемита, Мессиана, Стравинского. Старательно и досконально исследовав музыкальную ткань, пытаюсь не уподобиться при этом Сальери, я находила в этой ткани одно сокровище за другим. Вся она была сплошь звездное небо. Но то было лишь начало. То было «небо высоко над головой» – концептуальное познание, открытие. И предвестие. Потому что уже в годы обучения меня вынесло на профессиональную стезю работника слова, которая стала моей неизменной и счастливой судьбой. И тогда, подрабатывая автором-редактором в литературном агентстве, параллельно со своей дипломной «Гармонией мира» я писала повесть-расследование об, условно говоря, «гармонии Моцарта», пытаюсь понять, что же это за штука такая – яд, который убивает «Моцарта» на-

шей культуры, разрушает гармонию нашей истории, нашей цивилизации, нашей жизни? Но и это был только порог. Путь к подлинной гармонии мира начался во мне позже, и Татьяна Федоровна, я уверена, порадовалась и подивилась бы тому, какие повороты и горизонты открывались и продолжают открываться на этом, уже совсем не концептуальном, пути. Пути, выходящем за пределы и слова, и звука, и самой человеческой жизни.

К слову, интересно, что и попала я в премудрые руки Татьяны Федоровны тоже совсем не случайно: в Брянском музыкальном училище моим любимым учителем по специальности была Людмила Алексеевна Попова (Смирнова), окончившая СГК в свое время. Надо ли говорить, что она выпускалась именно у Татьяны Федоровны? Влюбленная, и не без оснований, в своего великолепного педагога, я шла к его учителю без раздумий, полностью доверяя промыслу и этой любви. И только сейчас могу видеть, насколько не ошиблась. Поклон из глубины сердца.

Мария Нестерова,
заведующая отделом концертной деятельности
Российского национального музея музыки (г. Москва)

*«И вот тоска: обитель без тревоги,
где от теченья века отрешен.
И вот желанья: в тихом диалоге
дневных часов с безмерностью времен.
И это жизнь: до тех продлится пор,
когда взойдет минута в высоте,
Чужая средь смеющихся сестер,
с улыбкой внемля вечной немоте»*

Р.М. Рильке

Когда уходят настоящие профессионалы, такие люди, какой была Татьяна Федоровна Малышева, то говорят, что ушла целая эпоха... Это действительно так, но мы можем сохранить в памяти и продолжать воплощать в жизнь все самое достойное, что олицетворяла собой профессор и композитор, застуженный деятель искусств России, любящая мать и жена Татьяна Федоровна Малышева.

Писать о своем Учителе, недавно ушедшем из жизни, невероятно трудно. Уважение и любовь к дорогому моему сердцу человеку всегда выражалось в заботе, внимании и простом человеческом объятии, а сейчас такой возможности уже не будет никогда... На всю жизнь Татьяна Федоровна останется в моей памяти как мудрый и профессиональный наставник, трепетно любящий и уважающий своих учеников, оберегающий и поддерживающий в трудную минуту, веселый и добрый человек! Без прикрас и громких слов, но это, действительно, был человек с большой буквы, и не только потому, что послужной список заслуг Татьяны Федоровны очень весом, но главное другое, Татьяна Федоровна всегда олицетворяла собой самое важное, а именно любовь, доброту и чистосердечность, мудрую возвышенность над людскими искушениями и земными перипетиями судьбы; ей свойственны были такие качества, как справедливость и чуткость в принятии решений, заступничество и поддержка своей команды, умение найти компромиссы и выход из, казалось бы, неразрешимых вопросов. Она объединяла всех, потому что искренне любила, не только кафедру и своих учеников, но и всех окружающих ее людей.

В сентябре исполнится десять лет как я начала заниматься в классе Татьяны Федоровны, однако эта цифра меняется, когда учишь, что моими учителями в колледже были ее выпускники, также окончившие Саратовскую государственную консерваторию имени Л.В. Собинова. Таким образом, корни музыковедческой школы Т.Ф. Малышевой распространились по всей стране. Воспитав свыше ста студентов и аспирантов, она учила главному: не смотреть и не судить поверхностно, а изучать глубоко и главное, с любовью. Музыкальные «тайни-

ки» открывались нами совместно в творческом союзе учителя и ученика. Посвятив научную деятельность изучению творчества Шопена, мы вместе с Татьяной Федоровной пытались разгадать тайны музыкального наследия композитора, как музыка явилась своего рода дневником Шопена и как претворился в ней «голос» художника. Обращаясь к эпистолярному наследию, перечитывая страницы писем Шопена, все больше и больше мы открывали, как музыкальная драматургия воспроизводит сценарий жизни композитора, ее ход. Предчувствие смерти, осознание скоротечности жизни были свойственны Шопену, он болел, страдал, любил и творил, и все претворилось в его музыке. И в этом, как ни парадоксально, особенно сейчас, после того, как Татьяны Федоровны не стало, и смерть наступила, восприятие в моих глазах жизни композитора и жизни моего Учителя становятся созвучными... Мир творчества слился с реальной земной жизнью, где есть спокойствие, принятие, горечь и радость, и где в конце будет кода-катастрофа, а после – кода-постскрипtum, и что

Т.Ф. Малышева с выпускниками 1999 г.

жизнь только начинается, но уже в другом измерении. Два мира переплелись ветвями в моем сознании, став одной историей, историей встречи с Шопеном и моим Учителем. И звучит с-moll-ый ноктюрн, и слезы на глазах, и грусть по невозвратному, и боль от потери дорогого человека, ставшего родным с первой встречи...

Это человек искусства, насквозь пропитанный вечным сиянием Музыки, она и сама была как сияние, всегда улыбалась, несмотря ни на что, а причины для грусти, к сожалению, были, сейчас об этом можно сказать. Непростая судьба, потеря сына, нездоровье мужа и дочери, все это для женщины и матери – несчастье, вот почему для Татьяны Федоровны консерватория была вторым домом, а коллеги и студенты – второй семьей. Продолжаешь задаваться вопросами: откуда эта сила, принятие судьбы как данность и нежелание бороться и противостоять? Конечно, чувство долга перед семьей и перед родными, но это, конечно же, не все. Мы можем только лишь задаваться вопросами о правильности принятых решений, однако, оценивая выбор каждого человека, для себя мы делаем выводы, и в данном случае он может быть только один: безграничная любовь и миротворческое всепрощение, святость, которая дана не каждому, а только избранным. Такой была Татьяна Федоровна!

За три месяца до смерти, когда она лежала в больнице, мне удалось немного помочь ей вспомнить то прекрасное время, когда мы вместе творили и были погружены в искусство. К сожалению, болезнь безжалостно забирает многое, оставляя немощь и бессилие, невозможность вспомнить всех родных

и учеников, но музыку Татьяна Федоровна не забыла и улыбку свою сохранила до последнего! Я решила устроить небольшую викторину и Татьяна Федоровна прекрасно с ней справилась, узнала 23-й фортепианный концерт Моцарта и даже назвала тональность латиницей, как она любила это делать, и узнала Первую балладу Шопена, и что-то начала рассказывать про «Послеполуденный отдых Фавна»; мы слушали разные записи с концертов и Татьяна Федоровна сразу начала вспоминать кафедральные мероприятия, консерваторские и филармонические концерты, своих выпускников. Она улыбалась, ей было спокойно, ведь музыка ее лечила.

Когда течет жизнь, часто в погоне за земными вещами, мы забываем о главном: ценить, поддерживать и любить своих родных, дорогих людей. Они уходят, мы все уйдем, но пока мы живы, в наших руках стать лучше и слава Богу, нам есть на кого равняться. Не могу не вспомнить проникновенные и душераздирающие строчки стихотворения А. Кочеткова:

«С любимыми не расставайтесь,
всей кровью прорастайте в них, -
И каждый раз навек прощайтесь,
когда уходите на миг».

Дорогая Татьяна Федоровна, благодарю Вас за все, что дали мне, на Вас я буду равняться и стараться всегда прощать и любить несмотря ни на что! А теперь, Вы отдохнете, Вы услышите ангелов... Вечный покой и вечная память...

С любовью и уважением,
Нестерова Мария.

